М. А. АЛОНЦЕВ

Алонцев Максим Альбертович
научный сотрудник, Лаборатория востоковедения,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mxalontsev90@gmail.com

«ТЫ НЕ НАЗВАЛ КОРАН СОТВОРЕННЫМ»: АХМАД ИБН ХАНБАЛ

Аннотация. В статье приводится перевод «Поминания имама Ахмада Ханбала» из антологии Фарид ад-дина ʻАттара «Поминание друзей Божиих». Ахмад ибн Ханбал (ум. 855), один из крупнейших мусульманских богословов и законоведов, основатель и эпоним догматико-правовой школы ханбалитов. В этом жизнеописании ʻАттар представляет своего героя в первую очередь как борца за догмат о несотворенности Корана — Ахмад ибн Ханбал предпочел пытки и мученическую смерть отказу от своих убеждений.

Ключевые слова: суфизм, суфийская агиография, Фарид ад-дин ʻАттар, Ахмад ибн Ханбал

Житие Ахмада ибн Ханбала (ум. 855), основателя и эпонима ханбалитского правового учения (*maẕhab*), входит в блок жизнеописаний, посвященных религиозным авторитетам, которые почитаются всей мусульманской общиной[1]. Целью включения этих житий в «Поминание друзей Божиих» была несомненно попытка легитимизировать суфийское учение в глазах представителей «официального» ислама, показать, что носители суфийского знания продолжают традиции, заложенные пророком Мухаммадом, его сподвижниками и последователями, выдающимися собирателями хадисов, богословами и правоведами первых веков ислама.

[1] Кроме Ахмада ибн Ханбала, в этот блок также можно включить житие Джаʻфара Садика, шестого шиитского имама и потомка пророка Мухаммада (ему посвящено первое житие в «Поминании друзей Божиих» [ʻAṭṭār 2007: 11–16], о функциях его жития см.: [Алонцев 2016]), а также двух других законоведов и основателей правовых школ — Абу Ханифы [ʻAṭṭār 2007: 208–214] и Мухаммада аш-Шафиʼи [Ibid: 215–220].

© М. А. АЛОНЦЕВ

Ахмад ибн Ханбал родился в Багдаде, куда его семья перебралась из Хорасана незадолго до его рождения. Он получил превосходное образование: с пятнадцатилетнего возраста изучал хадисы, богословие и правоведение, посещал главные центры развития мусульманских наук, встречался почти со всеми ведущими религиозными авторитетами своей эпохи. Благодаря глубоким познаниям и благочестивому образу жизни Ахмад ибн Ханбал постепенно приобрел огромную популярность.

Расцвет его деятельности совпал со временем активизации борьбы традиционалистского богословия (*kalām*) с быстро набиравшим силы учением му‘тазилитов[2]. Аббасидский халиф ал-Ма’мун (786–833)[3] пытался навязать богословам целый ряд му‘тазилитских постулатов, подвергая богословов так называемому испытанию (*miḥna*)[4]. Ахмад ибн Ханбал отказался принять навязываемые убеждения, вследствие чего два года провел в тюрьме. Сменивший Ма’муна у власти халиф ал-Му‘тасим (833–842)[5], продолжая религиозную политику своего предшественника, отдал приказ подвергнуть Ханбала бичеванию, но затем, опасаясь народных волнений, вынужден был отпустить известного правоведа на свободу.

В «Поминании имама Ахмада Ханбала» ‘Аттар превозносит именно непримиримость ученого мужа в отстаивании догмата о несотворенности Корана. В тексте жития Ахмад ибн Ханбал терпит многие лишения и пытки, сопротивляясь религиозной политике му‘тазилитов и поддерживавших их халифов, но ни на шаг не отклоняясь от своих убеждений. ‘Аттар повествует о мученической смерти своего героя, за которой последовало его явление во сне благочестивому чтецу Корана. Оказалось, что его прижизненная стойкость была вознаграждена: Бог одарил мученика Своей милостью со словами «Все это благодаря тому, что ты не назвал Коран сотворенным».

Поминание имама Ахмада Ханбала (*да помилует его Бог!*)[6]

Тот имам религии и традиции, тот предводитель [своего] учения и общины, тот мир разумения и деяний, то местопребывание незаменимых умений, тот, за кем следовали современники, тот, наделенный безупречной набожностью, тот

---

[2] Му‘тазилиты (*mu‘tazila*, араб. ‘обособившиеся’) — представители первого крупного направления в мусульманском богословии; по преданию, получили свое название в результате «обособления» от кружка Хасана Басри. Среди положений, утверждаемых му‘тазилитами, был, в частности, постулат о сотворенности Корана [ИЭС, ст. «ал-Му‘тазила» (Тауфик Камель Ибрагим, А. В. Сагадеев)].

[3] О нем см.: [EI², ст. «al-Ma’mūn» (M. Rekaya)].

[4] Имеется в виду инициированное му‘тазилитами испытание, которому при халифах ал-Ма’муне, ал-Му‘тасиме и ал-Васике подвергались богословы для установления их лояльности существующему режиму. Лояльными считались признававшие тезис о сотворенности Корана во времени (*ḥudūṯ al-Qur’ān*) [ИЭС, ст. «Михна» (Тауфик Камель Ибрагим, А. В. Сагадеев)].

[5] О нем см.: [EI², ст. «al-Mu’taṣim» (C.E. Bosworth)].

[6] Перевод «Поминания имама Ахмада Ханбала» приводится по изданию «Поминание друзей Божиих» М. Эсте‘лами [‘Aṭṭār 2007: 221–226]. Курсивом в тексте перевода выделены фрагменты, которые в оригинале приводятся на арабском языке.

[приверженец] сунны, [общей] для последних и первых, воистину имам, Ахмад ибн Ханбал (*да помилует его Бог!*) был наставником сунны и согласия (*šayx-i sunnat-u jamā'at*), имамом религии и благоденствия (*dawlat*). В науке хадисов ни у кого нет такой правоты, как у него. В набожности, осмотрительности, [подвижнических] деяниях и щедрости сан его был высок; он обладал проницательностью, а молитвы его бывали услышаны. Он почитаем всеми толками благодаря [его] предельному мироотречению и беспристрастности (*inṣāf*). Он чист от всего и не повинен ни в чем, что уподобляющие (*mušabbaha*)[7] приписывали ему. До такой степени, что когда однажды его сын объяснял смысл хадиса «*Бог своими руками месил глину Адама*» и в ходе объяснения достал руку из рукава, Ахмад сказал: «Когда говоришь о руке Божией, не указывай на [свою] руку».

Он видел много великих наставников, таких как Зу-н-Нун, Бишр Хафи, Сари Сакати, Ма'руф Кархи[8] и подобных им (*да помилует их Бог!*). Бишр Хафи сказал: «Ахмад Ханбал обладает тремя[9] особенностями, которых нет у меня: и для себя, и для семьи желать дозволенного (*ḥalāl*), я же ищу [дозволенное] только для себя». Затем Сари Сакати сказал: «Он всегда находился в стеснении: при жизни — от наветов *му'тазилитов*, а после смерти — от измышлений уподобляющих, а он чист от всего этого».

Передают, что когда *му'тазилиты* взяли верх в Багдаде, они сказали: «Нужно обязать его назвать Коран сотворенным». Затем его отвели во дворец халифа. Стражник, стоявший у дверей дворца халифа, сказал: «Имам! Берегись и будь мужественным. Однажды я совершил кражу, но и после тысячи палок не сознался и в конце концов освободился. Я столько вытерпел ради ложного, а ты, стоящий за правду, превосходишь [меня]». Имам Ахмад сказал: «Те его слова помогли мне». Затем его привели [во дворец], а он был стар и немощен. Его привязали к столбам и ударили плетью тысячу раз: мол, назови Коран сотворенным. Он не назвал, и в этот момент завязка на его штанах развязалась, а руки у него были связаны. Из мира сокрытого появились две руки и завязали [пояс]. Когда увидели это доказательство, его освободили, тогда же он и умер.

Под конец к нему пришли люди и спросили: «Что ты скажешь о тех, кто тебя мучил?» Он сказал: «Меня били во имя Бога. Считали, что я настаиваю на лжи. В день Воскресения я не стану обвинять их ни в чем, за исключением ран от [ударов] палками».

Передают, что у одного юноши больная мать была прикована к постели. Однажды она сказала: «Сын! Если ты желаешь мне счастья, то сходи к имаму Ахмаду и попроси помолиться за меня. Может быть, Истинный (*возвышен Он!*) дарует мне здоровье, ведь я устала от болезни». Юноша подошел к двери дома имама и позвал. Спросили: «Кто там?» Он ответил: «Нуждающийся». И тут же рассказал, что, мол, [в доме] есть больной, который просит помолиться за него. Велико-

[7] В мусульманской богословской и доксографической литературе так назывались сторонники уподобления (*tašbīh*) Бога чему-либо, т. е. судящие о Боге в понятных человеку категориях (величина, движение, цвет) [ИЭС, ст. «ат-Ташбйх» (С. М. Прозоров)].

[8] Зу-н-Нун Мисри (ум. 859) — египетский мистик, наставник многих известных суфиев. Бишр Хафи (ум. 842) — подвижник родом из Мерва, один из ранних представителей багдадского суфизма. Перевод его жития приводится в статье Т. А. Счетчиковой в настоящем номере журнала. Сари Сакати (ум. 867) — багдадский мистик, дядя и наставник известного суфия Джунайда Багдади. Ма'руф Кархи (ум. 815) — ранний представитель багдадского суфизма.

[9] Так в оригинале.

му имаму это пришлось не по нраву, мол, откуда он сам знает меня? Затем имам встал, совершил омовение и начал молиться. Слуга наставника сказал: «Юноша, возвращайся, имам занимается твоим делом». Юноша ушел. Когда он подошел к двери дома, его мать встала и открыла дверь — она полностью выздоровела по приказу Истинного.

Рассказывают, что однажды он совершал омовение на берегу водоема. Некто совершавший омовение выше его [по течению], из уважения к имаму спустился ниже и омылся. Когда того человека настигла смерть, его увидели во сне. Спросили: «Что сделал с тобой Бог (*велик Он и славен!*)?» Сказал: «Он помиловал меня благодаря тому уважению, которое я оказал имаму во время омовения».

Передают, что он рассказал: «Я в одиночку углубился в пустыню и сбился с пути[10]. Я увидел кочевника, сидящего неподалеку. Сказал [себе], мол, пойду спрошу у него дорогу. Пошел и спросил. Он сказал: “Не иди по [собственному] разумению”. Я сказал [себе]: может, он голоден? У меня был с собой кусок хлеба, я предложил ему. Он вскипел и сказал: “Ахмад! Кто ты такой, чтобы идти к дому Бога? Ты недоволен тем пропитанием, что дает Бог (*велик Он и славен!*). Вот ты и заблудился”». Ахмад рассказал: «Во мне взыграла ревность. Я сказал: “Господи! Тебя сокрыли в уголках таких рабов, что если бы они клялись Богом (*велик Он и славен!*), то для них все горы и равнины обратились бы в золото”». Ахмад рассказал: «Я посмотрел и увидел все горы и равнины в золоте. Я потерял рассудок. Голос воззвал [ко мне]: “Ахмад, что же ты не охраняешь [свое] сердце? А есть у Нас раб — если он пожелает, Мы для него установим землю на небе, а небо — на земле. Мы указали его тебе, однако больше ты его не увидишь”».

Передают, что Ахмад находился в Багдаде, однако никогда не ел багдадский хлеб и говорил: «Эту землю повелитель правоверных ʻУмар (*да будет доволен им Бог!*) завещал сражающимся (*ġāzīyān*)». Он отправлял золото в Мосул, чтобы оттуда привозили муку, и ел хлеб из нее. Его сын Салих ибн Ахмад один год был судьей в Исфахане, постился днем, бдел ночью и по ночам не спал больше двух часов. У входа в свое жилище он построил себе дом без дверей и находился там днем и ночью, ведь не годится, если ночью кто-то придет и у него будет важное дело, а дверь закрыта. Вот таким судьей он был. Однажды для имама пекли хлеб. Закваску сделали из того, что принадлежало Салиху. Когда хлеб принесли Ахмаду, он спросил: «Это из чьих [припасов]?» Ему ответили: «Закваска — из запасов Салиха». Он сказал: «Он уже год как судит в Исфахане, [такой хлеб] не подходит для нашего горла». Спросили: «Что делать с этим хлебом?» Ответил: «Отложите. Когда придет нуждающийся, скажите ему, что закваска — от Салиха, а мука — от Ахмада. Если хочешь, бери». [Хлеб] пролежал дома сорок дней, но ни один нуждающийся не пришел, чтобы забрать его. Хлеб испортился, и его бросили в Диджлу[11]. Ахмад спросил: «Что сделали с тем хлебом?» Сказали: «Бросили в Диджлу». После этого Ахмад никогда не ел рыбу [из Диджлы]. Он был настолько богобоязнен, что говорил: «Не следует сидеть в сообществе, в котором хоть у одного есть щепотка[12] серебра».

Передают, что однажды он пришел в Мекку к Суфйану ʻУййане[13], чтобы слушать предания[14]. В какой-то день он не пришел [слушать]. [Суфйан] послал чело-

[10] Как следует из дальнейшего, Ахмад Ханбал направлялся в паломничество в Мекку, к дому Бога, т. е. к мекканской мечети.

[11] Средневековое арабское название р. Тигр.

[12] Щепотка — *surma-dān*, букв. «мешочек для хранения сурьмы».

[13] Суфйан ибн ʻУййана (725–813) — знаменитый мекканский правовед и знаток хадисов.

[14] Предания (*axbār*) — известия о словах и действиях Пророка, хадисы.

века, чтобы узнать, почему он не пришел. Оказалось, что он отдал одежду прачке, а сам сидел голый и не мог выйти из дому. Посланец сказал: «Я дам несколько динаров, чтобы ты прибавил их к своим деньгам [и купил одежду]». Ответил: «Нет». Сказал: «Я одолжу свою одежду». Ответил: «Нет». [Посланец] сказал: «Я не уйду, пока ты не разберешься с этим». Он ответил: «Я напишу книгу. На плату за нее купи мне холста». Спросил: «Мне купить льняную ткань?» Ответил: «Нет, купи десять гязов[15] [ткани для] подкладки. Из пяти гязов я сделаю рубаху, а из пяти гязов — штаны».

Рассказывают, что к Ахмаду в гости пришел ученик. В ту ночь он принес ему кувшин воды. Наутро [Ахмад] увидел, что [кувшин] все так же полон. [Ахмад] спросил: «Почему кувшин с водой все так же полон?» [Ученик] сказал: «Что мне следовало совершать?» Сказал: «Омовение и ночную молитву. Если не это, то как ты обретешь знание?»[16]

Передают, что у Ахмада был поденщик. На вечерней молитве он велел ученику, чтобы сверх платы тот дал ему еще что-нибудь. Поденщик не взял. Когда он ушел, имам Ахмад изрек: «Отнеси ему, тогда возьмет». Ученик спросил: «Почему?» Ответил: «Тогда он не увидел внутри себя алчности к ним, теперь, как увидит [деньги], возьмет».

Однажды он изгнал давнего ученика из-за того, что тот обмазал стены дома глиной. Сказал: «Ты по царскому тракту мусульман прошел на один ноготь, тебя не следует обучать!» Однажды он отдал в заклад ведро. Когда забирал его обратно, бакалейщик принес два ведра и сказал: «Возьми то, что принадлежит тебе, я не знаю, какое из них твое». Имам Ахмад оставил ему ведро и ушел.

Передают, что какое-то время Ахмад желал увидеть ʻАбдаллаха ибн Мубарака[17]. Наконец ʻАбдаллах пришел туда. Сын Ахмада сказал: «Отец, у двери ʻАбдаллах Мубарак, он пришел повидать тебя». Имам Ахмад не впустил [его]. Сын спросил у него: «В чем тут премудрость? Ведь ты годы сгорал от желания [увидеть] его, а сейчас, когда к двери твоего дома пришло такое счастье, ты не впускаешь его?» Ахмад сказал: «Все так, как ты говоришь. Но я боюсь, что если увижу его, то привыкну к его милости. А после этого уже не смогу вынести разлуки с ним. Вот так с его благоуханием я буду проводить жизнь — до тех пор, пока не увижу его там, где впереди не будет разлуки».

Ему принадлежат высокие слова о [надлежащем] поведении. Когда кто-то задавал ему вопрос, то он отвечал на него, если тот касался поведения, а если касался [сокрытых] истин, то направлял к Бишру Хафи[18]. Сказал: «Я просил у Бога (*возвышен Он!*), чтобы Он открыл для меня дверцу через страх. Затем я стал таким, что появилось опасение, как бы разум не покинул меня. Я сказал: “Господи! Посредством чего достойнее приблизиться к Тебе?” Ответил: “Посредством Моей речи — Корана”».

Спросили: «Что такое искренность?» Ответил: «Когда ты находишь спасение от пагубных деяний[19]». Спросили: «Что такое упование [на Бога]?» Ответил: «*Опора на Бога*, доверие Богу в [обретении] ежедневного пропитания». Спроси-

---

[15] Гяз — мера длины, в Средние века равная примерно 62 см [Хинц, Давидович 1970: 63].

[16] В этом абзаце вставки в квадратных скобках, проясняющие текст, приводятся согласно изданию Р. Николсона [ʻАṭṭār 1905–1907: 217].

[17] ʻАбдаллах ибн Мубарак (ум. 797) — знаменитый подвижник, суфий-воин, богослов и знаток хадисов.

[18] Эта история приводится в поэме ʻАттара «Беседа птиц» [ʻАṭṭār 2009: 353].

[19] Пагубные деяния (*āfāt-i aʻmāl*) — действия и поступки, которые удерживают человека от поклонения Богу или превращают его поклонение в неискреннее и неугодное Богу [ʻАṭṭār 2007: 780], примеч. М. Эстеʻлами.

ли: «Что такое довольство?» Ответил: «Когда ты препоручаешь свои дела Богу». Спросили: «Что такое любовь (*maḥabbat*)?» Ответил: «Об этом спросите у Бишра, ибо, пока он жив, я не стану отвечать на этот вопрос». Спросили: «Что такое мироотречение (*zuhd*)?» Ответил: «Есть три [вида] мироотречения: отказ от запретного, это мироотречение обычных [людей]; отказ от излишка дозволенного, это мироотречение особых [людей]; отказ от того, что отвлекает тебя от Истинного, это мироотречение познающих».

Сказали: «Эти суфии уселись в мечети, не зная об уповании [на Бога]». Ответил: «Вы ошибаетесь, знание их и усадило». Сказали: «Все их помыслы устремлены на кусок хлеба». Сказал: «Я не знаю людей на земле, чьи помыслы выше, чем у этих людей, ведь от этого мира им нужно не больше, чем кусок хлеба».

Когда приблизилась его смерть — от тех ран, о которых я рассказал, он был близок к степени мучеников (*šuhādā*)[20] — в этом состоянии он указал рукой и сказал: «Еще нет!» Его сын спросил: «Отец, что это?» Ответил: «Пора опасности, до ответа ли? Помоги мне при помощи молитвы, так как один из присутствующих, что находятся подле моей постели, *сидящих справа и слева*[21], — Иблис. Он стоит напротив, посыпает голову пеплом бедствия и приговаривает: “О Ахмад, ты забрал у меня свою душу!” А я отвечаю: “Еще нет! До последнего вздоха — пора опасности, а не пора успокоения”».

Когда он умер и его подняли на погребальных носилках, стали прилетать птицы и биться о носилки. Тут сорок две тысячи гебров[22], иудеев и христиан стали мусульманами, порвали зуннары[23], издали вопль и произнесли: «*Нет божества, кроме Бога!*» А причина в том, что Истинный (*возвышен Он!*) в тот день обрек на стенанья четыре общины (*qawm*): магов[24], иудеев, христиан и мусульман. У одного великого мужа спросили: «Он больше думал о жизни или о смерти?» Ответил: «У него было две отвеченные молитвы: “Боже! Даруй веру всякому, кому еще не даровал!” и “Не отбирай [веру] у того, кому даровал ее!” Из этих двух молитв одна была отвечена при жизни — Бог не отнял веру ни у кого из тех, кому даровал ее, а вторая — после смерти, когда Он наделил те [сорок две тысячи людей] исламом». Мухаммад ибн Хазима[25] сказал: «Я видел Ахмада во сне после того, как он умер. Он шел, прихрамывая[26]. Я спросил: “Что это за походка?” Он ответил: “Поход в обитель мира[27]”. Я сказал: “Что сделал с тобой Бог (*велик Он и славен!*)?” Он ответил: “Простил, возложил мне на голову венец, ноги мои обул в сандалии[28] и сказал: ‘Ахмад! Все это благодаря тому, что ты не назвал Коран сотворенным!’” А потом изрек: “Призывай меня в тех молитвах, что пришли к тебе!”». С миром!

---

[20] Имеется в виду история с избиением Ахмада Ханбала плетьми в ходе «испытания».

[21] Аллюзия к (Коран 50: 17), Имеются в виду «приемщики» (*mutalaqqiyān*) — ангелы, записывающие деяния человека.

[22] Гебр (*gabr*) — часто этим словом обозначали иноверца, немусульманина, в данном контексте имеется в виду зороастриец.

[23] Зуннар (*zunnar*) — пояс, который в Халифате обязаны были носить иноверцы.

[24] Маг (*mug̱*) — этим словом также называли зороастрийцев.

[25] Мухаммад ибн Хазима — чтец Корана и знаток хадисов из Нишапура.

[26] Вероятно, хромота Ахмада указывает на его страдания, так как нанесение ударов палками по пяткам являлось одним из популярных способов пыток и телесных наказаний.

[27] Обитель мира (*dār as-salām*) — одно из обозначений рая.

[28] Сандалии (*na‘layn*, мн. ч. от *na‘l* ‘подкова’) — деревянные сандалии без задников, также — кожаные туфли без задников с загнутыми носами, обувь, которую носят «одетые в чалму», богословы и духовные лица. В этом фрагменте, по всей видимости, содержится еще одна отсылка к посмертным страданиям героя (см. примеч. 20) — Бог обул Ахмада в особые сандалии, которые носят праведники, тем самым вознаграждая его за мученичество.

Литература

Алонцев 2016 — *Алонцев М. А.* «Его речи о пути многочисленны»: функции жития Джа'фара Садика в «Поминаниях друзей Божиих» Фарид ад-дина 'Аттара // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 3 (12) (в печати).

ИЭС — Ислам: Энцикл. словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991.

Хинц, Давидович 1970 — *Хинц В*. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; *Давидович Е. А*. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970.

'Aṭṭār 1905–1907 — The Tadhkiratu 'l-awliya ("Memoirs of the saints") of Muḥammad ibn Ibráhím Farídu'd-Din Aṭṭār / Ed. by R. A. Nicholson, with introd. by M. Qazvīnī. 2 parts. London: Luzac & Co, Leiden: E. J. Brill, 1905–1907.

'Aṭṭār 2007 — *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad 'Aṭṭār Nišābūrī.* Taẕkiratu-l-awliyā' / Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawżīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti'lāmī. 16th ed. Tehran: Zavvar, 1386/2007.

'Aṭṭār 2009 — *'Aṭṭār Farid al-Din*. Mantiq al-ṭayr / Muqaddama, taṣḥiḥ va tā'līqāt Muḥammad Riżā Šafī'ī Kadkanī. Tehran: Sukhan, 1389/2009.

EI² — The Encyclopaedia of Islam. New ed.: 13 vols. Leiden: E. J. Brill, 1986–2005.

"You didn't recognize the Quran as created": Ahmad Ibn Hanbal

Alontsev Maxim A.
Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mxalontsev90@gmail.com

Abstract. The article includes a Russian translation of the chapter devoted to Ahmad ibn Hanbal from Farid al-Din 'Aṭṭār's *Memorial of God's Friends*. Ahmad ibn Hanbal (780–855), celebrated Muslim theologian, jurist and traditionist, is a founder and eponym of Hanbali school. In this hagiography 'Aṭṭār presents him as an active proponent of the dogma of the eternal essence of the Quran — Ahmad ibn Hanbal preferred tortures and martyrdom rather than rejecting his beliefs.

Keywords: Sufism, Sufi hagiography, Farid al-din 'Attar, Ahmad ibn Hanbal

References

Alontsev, M. A. (2016). “Ego rechi o puti mnogochislenny”: funktsii zhitiia Dzha‘fara Sadika v “Pominaniiakh druzei Bozhiikh” Farid ad-dina ‘Attara [His speeches on the Path are numerous: Functions of the “Life of Ja‘far Sadiq” in Farid al-din ‘Attar’s *Memorial of God’s Friends*]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], ser. “Istoriia. Filologiia. Kul’turologiia. Vostokovedenie” [History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies], no. 3 (12) (forthcoming). (In Russian).

‘Aṭṭār, Farid al-Din (1905–1907). *The Tadhkiratu ‘l-awliya (“Memoirs of the saints”) of Muḥammad ibn Ibráhím Farídu’d-Din Aṭṭār* (R. A. Nicholson, Ed.) (M. Qazvīnī, Intro.). London: Luzac & Co, Leiden: E. J. Brill. (In Persian).

‘Aṭṭār, Farid al-Din (1389/2009). *Mantiq al-ṭayr*. Muqaddama, taṣḥiḥ va tā‘līqāt Muḥammad Riżā Šafī’ī Kadkanī [Bird Parliament. Introduction, critical edition and commentary by Muḥammad Riżā Šafī’ī Kadkanī]. Tehran: Sukhan. (In Persian).

‘Aṭṭār Nišābūrī, Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad (1386/2007). *Tazkiratu-l-awliyā’* [Memorial of God’s friends] (Dr. M. Este‘lami, Ed. of the text, Comment. and Indices) (16th ed.). Tehran: Zavvar. (In Persian).

The Encyclopaedia of Islam (1985–2005) (New ed., Vols. 1–13). Leiden: E. J. Brill.

Khints, V. & Davidovich, E. A. (1970). Khints, V. *Musul’manskie mery i vesa s perevodom v metricheskuiu sistemu* [Islamic weights and standards with conversion into metric system] (Transl. from: Hinz, W. (1955). *Islamische Masse und Gewichte: umgerechnet ins metrische System*. Leiden: Brill). Davidovich, E. A. (1970). *Materialy po metrologii srednevekovoi Srednei Azii* [Data on the weights and measures of Central Asia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Prozorov, S. M. (Compl. and Ed.) (1991). *Islam. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam. An encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Alontsev, M. A. (2016). “You didn’t recognize the Quran as created”: Ahmad Ibn Hanbal. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 221–228